

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

II.

Отношеніе духовенства къ вопросамъ общественной жизни.—Древній обычай печалованія.—Упрекъ свѣтской печати петербургскому духовенству.— Слова двухъ пастырей о событіи 9 января.

Отношеніе духовенства къ вопросамъ общественной жизни. Въ свѣтской печати довольно часто слышатся упреки на духовенство за его равнодушіе къ событіямъ общественной жизни. Эти упреки раздаются иногда изъ среды самого духовенства. Въ статьѣ „Изъ записной книжки священника“, помѣщенной въ „Южн. Зап.“ (см. Пет. Вѣд. 1904 г. 17 дек.), о. А. пишетъ:

Почти всѣ періодическія изданія духовной прессы продолжаютъ замалчивать несомнѣнное пробужденіе русской личности, русской общественности, русскаго самосознанія. Какое безотрадное явленіе!.. Люди, поставленные на стражѣ интересовъ челоуѣколюбія, истины и добра, видятъ,—они не могутъ не видѣть—тысячи, милліоны братьевъ, подавленныхъ кривдою общественныхъ условій и, подобно священнику и левиту въ притчѣ Христа, проходятъ равнодушно мимо нихъ, усыпляя въ то же время общественное самосознаніе фанатическими увѣреніями во всеобщемъ благополучіи... Великій грѣхъ передъ Богомъ и народомъ берутъ на себя эти вожди слѣпые; но ихъ по счастью не такъ много. Гораздо больше жертвъ ихъ преступной дѣятельности, и онѣ то главнымъ образомъ составляютъ консервативную группу духовенства. Эти жертвы въ рядахъ православнаго духовенства, обезличенныя школою, обманутыя своимъ ложнымъ положеніемъ въ обществѣ, volens poleus промѣнявшія свою іерейскую совѣсть на предписанія и внушенія духовнаго бюрократизма; большинство священниковъ

отвыкло отъ самостоятельной оцѣнки явленій общественной жизни; ограничивъ сферу своей дѣятельности исполненіемъ предписаній и интересами семейными, они съ досадною покорностью предоставили своимъ вождямъ и охранителямъ не только богословское и правовое обоснованіе „безмятежнаго“ своего бытія, но и право говорить и думать отъ лица загнаннаго, обезличеннаго, рядового, чернорабочаго духовенства.

Въ этихъ словахъ много слишкомъ рѣзкихъ и преувеличенныхъ сужденій, но не мало и горькой правды. Событія послѣдняго времени съ особенною выразительностью показали, что наше духовенство стоитъ вдали отъ событій общественной жизни и отъ запросовъ современнаго общества. Даже теперь, когда общественное сознаніе не только въ интеллигентныхъ, но и въ нисшихъ классахъ населенія выросло настолько, что оказалась назрѣвшею необходимостью въ существенныхъ реформахъ общественной и отчасти церковной жизни, наше духовенство, долженствующее воплощать въ себѣ идеи евангельской любви и свободы и потому имѣющее всѣ основанія съ особенною радостью откликнуться на предполагающіяся въ духѣ этой любви и свободы реформы общественнаго строя, упорно молчитъ, молчитъ, какъ будто его совсѣмъ не касается дѣло. Любопытный фактъ. Въ просматриваемыхъ нами довольно внимательно епархіальныхъ духовныхъ органахъ до начала фѣвраля мы почти не встрѣтили никакого хотя бы отдаленнаго эха на указъ 12 декабря ¹⁾. Явленіе это конечно не случайное. Причина его въ удивительномъ равнодушіи большей части нашего духовенства къ вопросамъ современной общественной жизни.

Источникъ такого равнодушія кроется въ томъ между прочимъ, что значительная часть духовенства, особенно сельскаго, не переварила до сихъ поръ благодѣтельныѣйшихъ реформъ 60-тыхъ годовъ. Проповѣдники евангелія не подмѣтили и не оцѣнили надлежащимъ образомъ выраженныхъ въ нихъ идей любви къ меньшему брату. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщикъ является до сихъ поръ представителемъ народа, его воспитателемъ въ духѣ закона божественнаго и государственнаго, источникомъ благополу-

¹⁾ Одно изъ пріятныхъ исключеній составляютъ Полоцкія Еп. Вѣд.

чія и для народа, и для священника. Союзъ священника съ помѣщикомъ для нихъ гарантія сохраненія православія и самодержавія; г. Грингмутъ и его сотрудники—лучшіе охранители духа православія. Что это такъ,—можно видѣть изъ письма трехъ священниковъ, напечатаннаго въ „Гражданинѣ“ (1904 г. 19 дек.). Это письмо весьма достопримѣчательно. Поэтому мы приведемъ его цѣликомъ.

Прочитали мы только что въ № 10331 „Новаго Времени“ отъ 3 декабря сего года „Среди газетъ и журналовъ“ слѣдующее: Патриоты изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ родѣ гг. Павлова и Нилуса, своимъ далеко не евангельскимъ взглядомъ на мужика ищутъ постоянно поддержку въ области церковной и свои реформаторскіе идеалы сводятъ къ тому, чтобы помѣщикъ и сельскій священникъ вдвоемъ составляли „власть попечительную и любовную“. Но представители церкви отрекшаваются отъ такого союза. „Подлинно одно роковое недоразумѣніе, говоритъ „Церковный Вѣстникъ“, это обличеніе служителей религіи свѣта и любви къ меньшому брату съ этими интеллигентами, изъ которыхъ еще не успѣлъ вывѣтриться духъ крѣпостничества! И какъ обидно читать ссылку ихъ при изложеніи своихъ взглядовъ на „свидѣтельство сельскаго духовенства“, какъ на доказательство своей правоты. Истинныя цѣли ихъ ясно выразились въ откровенныхъ пожеланіяхъ при будущихъ реформахъ вырѣзокъ себѣ земли за счетъ крестьянъ, или права „удалать силою“, безъ всякаго суда, провинившагося крестьянина.

Отношенія къ народу духовенства и того помѣщичьяго круга, который вдохновляется идеями гг. Грингмута, Павлова, Нилуса и т. п., совершенно разныя.

Этого для насъ довольно, чтобы дать отвѣтъ пишущему эти строки въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ и тому, который высказываетъ свое одобреніе, говоря: „Представители церкви отрекшаваются отъ союза съ помѣщиками, одобряющими и сочувствующими гг. Грингмуту, Павлову, Нилусу и т. п.“

Нашъ отвѣтъ вотъ какой: представитель церкви, отрекшавоющійся отъ союза съ *такимъ* помѣщикомъ, составляетъ исключеніе самое жалкое, а никакъ не *правило* въ нашемъ православномъ и самодержавномъ отечествѣ.

Мы знаемъ, въ какомъ духѣ „Московскія Вѣдомости“ всегда издавались, ихъ издатель, какъ и сотрудники, всегда

стояли за церковь православную и за Царя Самодержавнаго, и все духовенство на православной Руси не может иначе чувствовать, какъ они, и уже никакъ не может отрещиваться отъ своихъ помѣщиковъ, если оно сочувствуетъ этому духу.

Въ духѣ православномъ мы соединяемся съ помѣщикомъ, представителемъ народа, какъ и съ самымъ народомъ, и знаемъ отлично, что, гдѣ вѣрующій помѣщикъ, преданный церкви, и Царю нашему, тамъ намъ, священникамъ, легко, тамъ и народу хорошо, а гдѣ помѣщикъ не проникнуть этимъ чувствомъ истинно русскаго человѣка, тамъ и народу, и священнику плохо.

Боже насъ сохрани отрещиваться отъ союза съ своимъ кореннымъ помѣщикомъ, проникнутымъ духомъ Православія и Самодержавія.

Мы ихъ крѣпостниками никогда не назовемъ и первые свидѣтели, что они никогда народа не обижали и не обидятъ, но и не распустятъ, и не поддержать въ немъ то, что Богомъ и закономъ запрещено.

Мы, какъ православные священники, не имѣемъ права молчать, ибо молчаніе — знакъ согласія, а согласиться съ тѣмъ, что тутъ написано, въ вышеупомянутой статьѣ, мы не можемъ. Оттого просимъ огласить нашу отвѣтъ въ печати, потому что мыслящихъ, какъ мы,—почти всѣ священники, а такіе, какъ пишущіе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, составляютъ исключеніе.

Можно подумать, что читаешь письмо какого-нибудь помѣщичьяго приживальщика времянъ крѣпостного права. Очевидно очагъ помѣщичій до сихъ поръ не потерялъ своего очарованія для нѣкоторыхъ нашихъ пастырей. Трудно себѣ представить болшую приниженность и угодность передъ бывшими крѣпостниками. Письмо это крайне характерно и глубоко символично... Впрочемъ естественно, что для подобныхъ пастырей запросы современнаго общества и въ отвѣтъ на нихъ предпринимаемая нашимъ правительствомъ реформы являются китайской грамотой.

Другая часть духовенства, которая могла бы понять смыслъ и оцѣнить событія современной общественной жизни, не считаетъ это ни своимъ правомъ, ни обязанностью. Въ „Пет. Вѣд.“ (1904 г. 23 дек.) священникъ П. Поляковъ такъ оправ-

дываетъ индифферентное отношеніе духовенства къ общественнымъ теченіямъ. Священнику, чтобы быть священникомъ, должно: 1) проповѣдывать слово Божіе со всякою кротостью, настойчивостью и терпѣніемъ; 2) быть примѣромъ и образцомъ исполненія воли Божіей, любви, вѣры, надежды, миротворенія, состраданія и т. п., 3) быть всегда въ умирительно-молитвенномъ настроеніи. Скажите, спрашиваетъ онъ, совмѣстимо ли со всѣмъ этимъ то, чего требуютъ отъ насъ міряне-писатели? Вѣдь мы духовные, стало-быть, должны служить духу, а не плоти и міру съ его модными временными теченіями. Неужели же намъ вмѣсто св. креста вооружиться перомъ и чернилами?

Возведеніе въ принципъ безучастнаго отношенія духовенства къ общественнымъ теченіямъ есть результатъ слишкомъ узкаго пониманія обязанностей пастыря, а прежде всего обязанности учительства. Пастырское учительство непременно предполагаетъ самое живое, самое отзывчивое отношеніе къ общественнымъ явленіямъ. Въ этомъ залогъ его успѣха.

Одинъ изъ самыхъ большихъ недостатковъ проповѣднической дѣятельности нашего духовенства, въ значительной мѣрѣ объясняющій малый успѣхъ ея, состоитъ въ томъ, что, сосредоточивая свое вниманіе на конкретныхъ случаяхъ нарушенія нравственныхъ требованій, наши проповѣдники почти не углубляются въ изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ эти нарушенія. Дѣло представляется такъ, какъ будто свободная воля есть единственный факторъ, который опредѣляетъ отношеніе личности къ нравственному закону. Забываютъ о томъ, что человѣкъ можетъ быть поставленъ въ такія условія, въ которыхъ почти не можетъ совершить преступленія при всѣхъ задаткахъ къ нему, и наоборотъ почти не можетъ не совершать преступленія при всей неспорченности его натуры. Здравый смыслъ подсказываетъ, что не слѣдуетъ исключительно воздѣйствовать на волю человѣка—сила ея ограничена—, но надо стараться поставить ее въ лучшія жизненные условія. И если кто долженъ желать улучшенія внѣшнихъ условій, т. е. экономическаго и правового состоянія народа, въ цѣляхъ возвышенія нравственности, такъ прежде всего учителя закона Божія—пастыри. Еслибы духовенство стало вникать глубже въ причины нрав-

ственного упадка паствы, то оно не только не усложнило бы своей задачи, а напротивъ облегчило бы ее, такъ какъ оно взялось бы не за плоды, а за корни зла. Напротивъ безучастное отношеніе къ причинамъ общественнаго зла дѣлаетъ проповѣдь пастыря безплодной, влияніе его ничтожнымъ. Не чувствуя нужды времени, не приспособляясь къ запросамъ паствы, вращаясь въ области теоріи, всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстной, пастыри наши представляются обществу не столько воспитателями, сколько риторамъ, резонерами, говорильной машиной.

Матеріальныя и духовныя нужды народа не получаютъ своего удовлетворенія или вслѣдствіе недостаточности закона, или, чаще, вслѣдствіе массовыхъ злоупотребленій закономъ, имѣющихъ свою причину въ томъ, что законъ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ правъ однихъ и чрезмѣрнымъ ограниченіемъ ихъ у другихъ вызываетъ обнаруженіе нисшихъ инстинктовъ человѣческой природы. Указать на эту неразсчитанность закона на психологію личности и народа и проистекающія отсюда злоупотребленія, ухудшающія экономическое и правовое состояніе населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственность народную,—долгъ пастыря. Еслибы пастыри, а за ними и общество, молчали, то какимъ образомъ могла бы убѣдиться наша законодательная власть въ томъ, что назрѣла потребность въ тѣхъ или другихъ перемѣнахъ? Да, батюшка, мы думаемъ, что Вы не сдѣлали бы худо, если бы, оставивъ крестъ, который носится въ рукѣ, но съ крестомъ на сердцѣ, Вы, страдая за бѣдныхъ и угнетенныхъ, взялись за перо или возвысили голосъ въ свое время за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, за необходимость расширенія и даже обязательность образованія, за болѣе правдивый и обезпеченный судъ для крестьянъ, за уменьшеніе стѣсненій для иновѣрцевъ, за иную постановку воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ, за возможность раскрытія злоупотребленій и вообще за болѣшую гласность и контроль какъ въ общественной, такъ и въ церковной жизни.

Вотъ какъ смотрять на свои обязанности лучшіе изъ пастырей. Въ „письмѣ старца-іерея къ іереямъ“ (Вол. Еп. Вѣд. 1904 г. № 36), которое преосв. Амвросій назвалъ „прекраснымъ, властнымъ, духовнымъ и правдивымъ, которому и

цѣны вѣтъ“ (Вол. Еп. Вѣд. 1905 г. № 3), мы читаемъ слѣдующія строки:

Мы подобно воинству земному не должны жалѣть себя и бояться страданій, неизбежныхъ въ бою за правду. Когда я разсуждалъ такъ съ нѣкоторыми священниками, то эти воины Христовы отвѣчали, что они не монахи, не враги своей семьи. Въ такихъ невѣжественныхъ понятіяхъ заключается причина упадка жизни самихъ пастырей....

Только тогда государство будетъ для всѣхъ злодѣевъ страшнымъ, когда всѣ должностныя лица единодушно будутъ отстаивать правду, чтобы своеволие и дурной примѣръ не явились господствующими, торжествующими. Между тѣмъ многія должностныя лица этого не понимаютъ, а потому находятъ достойнымъ наружное исполненіе своихъ обязанностей, но это только внѣшняя сторона, которая такъ важна, какъ шелуха. Наружнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей они прикрываютъ всякую свою неправду. Не потому ли покойный Высокопреосвященный Одесскій Никаноръ писалъ, что для народа и царства русскаго опасны не социалисты наши и ходоки въ народѣ, а дурные народные учителя, а я прибавлю, что и недобросовѣстные начальники, которые тѣмъ болѣе вредны для государства, что занимаютъ высокія мѣста, имѣютъ власть, и голосъ ихъ силенъ. Говорю это не съ вѣтру, а на основаніи даныхъ.

Кто любитъ Бога, тотъ не можетъ равнодушно смотрѣть, какъ кощунственно попарается правда и умножается зло. Не надо намъ забывать, что церковь наша называется воинствующею, такъ что въ ней должна идти въ духѣ евангелія война между правдою и неправдою, а что эта война будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока злобный князь міра сего не будетъ изгнанъ вонъ, а кривоты, любящіе неправды, упьются отъ чаши гнѣва Божія (Откр. 15, 7). Еслибы всѣ мы, священники, энергично и постоянно возвышали гласъ свой, а правительственная власть носила бы съ умомъ мечъ, данный ей на остепененіе и устрашеніе злыхъ, то не посмѣло бы тогда беззаконіе ходить нагло и открыто, а скрывалось бы гдѣ либо въ трущобахъ.

Но и тѣ пастыри, которые, исходя изъ идеи духовнаго служенія, считаютъ себя не въ правѣ или по крайней мѣрѣ необязанными вникать въ условія общественной жизни и

давать имъ свою оцѣнку, не проводятъ своего взгляда до конца, что заставляетъ усумниться въ ихъ искренности. Наставляя свою паству въ необходимости подчиняться извѣстному общественному строю, они тѣмъ самымъ изъ области чисто духовныхъ отношеній вступаютъ въ сферу общественной жизни. И если въ цѣляхъ поддержанія общественнаго порядка, несомнѣнно важнаго для нравственнаго прогресса, они учатъ подчиненію власти и законамъ, то почему же въ тѣхъ же цѣляхъ они не обязаны учить и власть подчиненію закону, со всею смѣlostію раскрывая ея злоупотребленія? Самое уваженіе къ власти, какъ божественному установленію, должно побудить ихъ обличать и раскрывать злоупотребленіе ею. Что нибудь одно: или надо совсѣмъ отказаться отъ проповѣди о повиновеніи власти и закону, или вмѣстѣ съ этой проповѣдью учить и власть повиновенію закону, цѣль котораго—благо цѣлаго общества. Учительство же нашихъ пастырей направлено на слабыхъ, а не на сильныхъ, на подчиненныхъ, а не начальствующихъ. на тѣхъ, кто распоряжается лишь собой, а не на тѣхъ, кто распоряжается тысячами. Пристрастія своей проповѣди, думаемъ, не будетъ отрицать и само духовенство. Этимъ пристрастіемъ оно несомнѣнно подрываетъ уваженіе и довѣріе къ себѣ въ обществѣ.

Но скажутъ: не придется ли въ такомъ случаѣ нашимъ пастырямъ быть политиками?

Прежде всего нужно замѣтить, что не слѣдуетъ дѣлать изъ этого слова пугала. Быть политикомъ для нѣкоторыхъ равносильно—быть социалистомъ и революціонеромъ. А между тѣмъ всѣ современные пастыри, говоря рѣчи въ защиту наличнаго общественнаго строя, сами того не замѣчая, являются политиками. И это естественно. Какъ нельзя порвать связь между духовною жизнью и жизнью общественною, такъ нельзя поставить и учительство пастырей внѣ вопросовъ общественной жизни, уголокъ которой и составляетъ политика. Но этого мало. Наше духовенство обвиняютъ въ томъ, что оно погружено въ политику болѣе даже, чѣмъ слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы на политику смотрѣть, какъ на пособіе для осуществленія евангельскаго мира и правды, оно иногда и самую вѣру дѣлаетъ средствомъ для политики. Мы укажемъ здѣсь лишь два факта. Первый—запрещеніе перевода библіи на малороссійскій языкъ.

О второмъ фактѣ сообщаетъ „Гражданинъ“ ¹⁾. Для школъ Привислинскаго края молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія были напечатаны въ 4 редакціяхъ: два текста были безъ измѣненія напечатаны для русскихъ и протестантовъ, одинъ текстъ съ малымъ измѣненіемъ для реформаторовъ и, наконецъ, четвертый съ серьезнымъ измѣненіемъ для поляковъ—католиковъ. Въ трехъ текстахъ одна изъ молитвъ оканчивается словами: *на утѣшеніе церкви и родителямъ и отечеству на пользу*. Въ четвертомъ—стояло: *въ утѣшеніе монарху и родителямъ, и всему краю на пользу*. Для католиковъ—поляковъ такъ обр. были вычеркнуты слова: церковь и отечество, а взамѣнъ вставлено слово *монархъ*, котораго въ молитвѣ для русскихъ, протестантовъ и реформаторовъ не имѣется. Значитъ, если католикъ—полякъ захочетъ предпочесть текстъ православный, онъ становится политическимъ преступникомъ. На почвѣ этой молитвы разыгралась драма въ гимназіи, погубившая болѣе ста молодыхъ жизней.

Пастырь выше всего земного, временнаго долженъ, ставить вѣчные идеалы истины и добра. Онъ долженъ прежде всего помнить, что всѣ формы общественной жизни и обычаи не суть какой-либо непреложный догматъ, что они съ развитіемъ общества и повышеніемъ общественнаго самосознанія ветшаютъ и мѣняются на новыя, болѣе соотвѣтствующіе наличному состоянію общества, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь со временемъ уступить свое мѣсто другимъ формамъ. Было бы безцѣльнымъ насиліемъ остановить ростъ и развитіе физическаго организма. Также безцѣльно задерживать развитіе и духовнаго организма личности и общества. Однако смѣна однѣхъ формъ общественнаго устройства другими всегда протекаетъ болѣе или менѣе болѣзненно. Она никогда не обходится безъ борьбы отцовъ и дѣтей, разныхъ классовъ общества между собой, общества, требующаго себѣ правъ, и власти, не желающей отказаться отъ своихъ правъ. Въ этой борьбѣ на ряду съ самыми благородными потребностями человѣческаго духа выступаютъ наружу и низшіе инстинкты человѣческой природы, въ цѣляхъ успѣха не останавливающіеся даже передъ отвратительнѣйшими насиліями.

Пастырь долженъ со всею чуткостью прислушиваться къ

¹⁾ Русское Богатство 1904 г. Окт. стр. 198.

росту общественнаго организма и, оцѣнивая всё новыя формы, въ которыя онъ намѣренъ заключиться, съ точки зрѣнія евангельскихъ идей любви, правды и свободы, съ мудростью отца и педагога направлять общество въ духъ евангелія, ежечасно, ежеминутно предостерегая отъ всякаго насилія, внушая и обществу и власти одинъ путь,—путь любви и мира. Какъ служитель церкви, а не земнаго царства, онъ долженъ стоять не столько впереди общественныхъ теченій, сколько выше ихъ. Признавая за ними историческій и моральный смыслъ, онъ смотритъ на новыя формы не какъ на дѣль, а какъ на средство къ духовному возрожденію. Этимъ онъ существенно отличается отъ политическаго дѣятеля. Онъ чуждъ увлеченія какъ старыми, такъ и новыми формами общественной жизни, онъ не страдаетъ излишнею вѣрою въ спасительность новыхъ порядковъ. Какъ мудрый воспитатель—онъ замѣчаетъ духовно-нравственный ростъ своего воспитанника и постоянною проповѣдью любви и правды облегчаетъ ему переходъ къ новымъ формамъ жизни, цѣня въ нихъ лишь элементы истины и добра. Онъ и здѣсь не перестаетъ быть проповѣдникомъ евангелія, только не теоретическаго и безжизненнаго, а воплощаемаго въ фактахъ. Здѣсь умѣстно припомнить слова Вл. Соловьева о вліяніи церкви на государство. Онъ говоритъ:

Существуя во вѣшной средѣ гражданскаго общества и государства, церковь не можетъ обособиться и отдѣлиться отъ этой среды, но должна воздѣйствовать на нее своею духовною силою. Церковь должна привлекать къ себѣ государство и общество. Должна постепенно уподоблять ихъ себѣ, проводя свое начало любви и согласія во всё области человѣческой жизни. Какъ орудіе, какъ органъ такого воздѣйствія церкви на мірское общество, существуетъ учрежденіе духовной власти, или церковная іерархія. Сія іерархія особенно предназначена своимъ авторитетомъ и вліяніемъ служить духовному объединенію человѣческаго общества, вводя присущее церкви начало любви въ жизнь гражданскую и въ дѣла государственныхъ, и не словами только молясь, но дѣлами заботясь о томъ, чтобы имя Божіе свяtilось въ людяхъ, чтобы царствіе Божіе пришло въ міръ и чтобы воля Божія исполнялась не на небѣ только, но и на землѣ.

Вотъ другое компетентное заявленіе по тому же предмету:

Съ которыхъ поръ положено, что Церковь существуетъ для того, чтобы образовывать аскетовъ, наполнять монастыри и выказывать въ храмахъ поэзію своихъ обрядовъ и процессій! Нѣтъ, все это лишь малая часть той дѣятельности, которую Церковь ставитъ себѣ цѣлью. Ей указано иное званіе: *научите вся языки...* На нее возложено внушить народу уваженіе къ закону и къ власти, внушить власти уваженіе къ свободѣ человѣческой... Единое нравственное начало объемлетъ всѣ отношенія—частныя, домашнія, политическія, и Церковь, хранящая сознаніе своего достоинства, никогда не откажется отъ своего законнаго вліянія въ вопросахъ, относящихся и до семьи, и до гражданскаго общества (Моск. Сборникъ изд. К. П. Побѣдоносцева. 1897 г. стр. 10).

Конечно, гораздо проще было бы пастырю поступить такъ. Быть всегда защитникомъ старыхъ порядковъ до тѣхъ поръ, пока они, помимо него и даже вопреки выражаемому имъ желаніямъ, не смѣнятся другимъ формальнымъ образомъ. Такого пути въ большинствѣ случаевъ держалось наше духовенство въ послѣднее время. Оно говорило лишь въ пользу старыхъ формъ и не рѣшалось заявить о законности желаній общества (или части общества) тѣхъ или другихъ переменъ. Но вотъ какое зло можетъ быть и дѣйствительно было результатомъ такой политики. Духовенство этимъ самымъ порываетъ нравственную связь съ обществомъ и теряетъ въ его глазахъ нравственный авторитетъ. Оно перестаетъ быть для него защитникомъ слабыхъ, бѣдныхъ, защитникомъ священныхъ правъ личности. Общество начинаетъ смотрѣть на пастырей, какъ на служителей не народа, а власти, не слабыхъ, а сильныхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и лежитъ глубочайшая причина замѣчаемаго въ послѣднее время разъединенія духовенства и свѣтскаго общества. Въ этомъ разъединеніи несомнѣнно важную роль сыграли 60-тые годы. Въ то время, какъ интеллигенція дѣятельно подготовляла освободительныя реформы и самоотверженно работала на пользу народа, духовенство не сумѣло по достоинству оцѣнить ни самаго освободительнаго движенія, ни реформъ, несмотря на то, что онѣ являлись гуманнѣйшими въ исторіи нашего отечества. Проповѣдники

правды и любви остались позади. Роли перемѣнились. Ученики стали учителями. Въ настоящее время происходит то же самое. Духовенство не цѣнитъ по достоинству ни назрѣвшія въ обществѣ потребности въ улучшеніяхъ общественнаго строя, ни предполагающіяся реформы. „Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ съ сочувствіемъ благомыслящею частью нашихъ подданныхъ, которая истинное преусиѣваніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ“. Эти слова Высочайшаго указа должны были бы побудить духовенство подготовить общество къ предположеннымъ реформамъ. Однако самая незначительная часть духовенства поняла ихъ значеніе и исполнена радостнаго ожиданія будущаго. Большая же часть его ничего не замѣчаетъ, проповѣдуя на тему: „той землѣ не устоятъ, гдѣ начнутъ уставы ломать“.

Такое отношеніе духовенства къ современному общественному движенію грозитъ въ будущемъ громаднымъ зломъ. Оно образуетъ страшную пропасть между духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ, такую пропасть, на заравненіе которой потребуются можетъ-быть цѣлые вѣка, если только не послѣдуетъ коренныхъ преобразованій въ церковной жизни. Другое неминуемое слѣдствіе равнодушія духовенства къ общественному движенію—еще большее уменьшеніе вліянія его на народъ. Если до сихъ поръ духовенство видѣло въ интеллигенціи сильнаго конкурента себѣ въ воздѣйствіи на народъ, то въ непродолжительномъ времени, къ ужасу своему, оно можетъ увидѣть, что руководящая роль въ народѣ перейдетъ къ интеллигенціи. Общество почувствуетъ, что оно стало на ноги безъ помощи своего прежняго руководителя и потому привыкнетъ обходиться безъ него. Это наиболѣе вѣроятный результатъ равнодушнаго отношенія духовенства къ современному общественному движенію. Если бы наши пастыри могли заглянуть въ самыя души пасомыхъ, то увидѣли бы, какъ онѣ дальше и дальше уходятъ отъ нихъ... ¹⁾.

¹⁾ Когда наша замѣтка была закончена, мы нашли въ Пет. Вѣд. (3 февр.) письмо свящ. П. Полякова. Въ немъ онъ передаетъ о томъ, какъ путиловскіе рабочіе обратились къ нему съ просьбою помочь имъ, выучить

Древній обычай печалованія. Пастырь долженъ быть не только проповѣдникомъ евангелія, но и образцомъ любви, вѣры, миротворенія, состраданія, милосердія. Въ чемъ же это можетъ выразиться, какъ не въ живомъ отношеніи къ общественнымъ нуждамъ, матеріальнымъ и духовнымъ? Неужели же лишь въ словахъ, призывающихъ къ терпѣнію, а не въ настойчивыхъ, самоотверженныхъ усиліяхъ устранить такъ или иначе причины физическаго и нравственнаго зла? Всѣ лучшіе пастыри всѣхъ вѣковъ всегда считали это своею обязанностью. Также смотрѣло на это и христіанское общество. Мы напомнимъ здѣсь лишь объ одномъ видѣ участія духовенства въ общественныхъ нуждахъ, который подъ именемъ *печалованія* былъ извѣстенъ во всѣ вѣка, когда церковная жизнь была свободна отъ свойственныхъ ей теперь „формализма, мелочности, казенщины и безжизненности“¹⁾.

Обычай печалованія, имѣвшій мѣсто какъ въ греческой, такъ и въ русской церкви, состоялъ въ ходатайствѣ духовныхъ лицъ, особенно епископовъ, о смягченіи наказанія виновныхъ и освобожденіи отъ него невинныхъ. Этотъ обычай имѣлъ свое основаніе во взглядѣ общества на іерархію, какъ на учрежденіе, призванное воплотить среди людей христіанскія начала правды и любви. Если государственнй законъ по самому существу своему могъ быть лишь выраженіемъ права и началъ справедливости, то представители церкви, какъ проповѣдники евангелія, внушали власти не

ихъ выдти изъ ужаснаго положенія, такъ какъ они не желаютъ принимать участія въ забастовкѣ. Выслушавъ ихъ, о. Поляковъ подумалъ: „вмѣшайся активно въ горе угнетенныхъ—въ о. Гаповы попадешь; устрани себя совершенно отъ интересовъ рабочихъ и ограничь среди нихъ свою дѣятельность лишь молитвою и проповѣдью мира и любви—печатью осужденъ будешь“. Онъ сказалъ рабочимъ: „къ сожалѣнію ничѣмъ не могу помочь вамъ въ вашемъ горѣ. Одно могу сказать: у васъ есть подлежащее начальство, къ которому можете съ надлежащею осторожностію обратиться за разъясненіями и указаціями. Я же, съ своей стороны, буду молиться... Говоря это, замѣчаетъ о. Поляковъ, я чувствовалъ, что дѣлаю не то, что имъ надо, и мнѣ больно стало и за нихъ, и за себя“. Мы не думали, что жизнь такъ скоро изобличитъ несостоятельность взгляда о. Полякова, какъ и большей части нашего духовенства на обязанности пастыря.

¹⁾ Эта замѣтка составлена при помощи прекраснаго труда В. Малинина „Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія“ (1901 г.).

только устраненіе извѣстнаго правонарушенія, но и смягченіе требованій закона, милосердіе къ виновнымъ. Будучи ходатайствомъ, основнымъ на евангельской заповѣди о любви и милосердіи, и не имѣя цѣлью положительное устраненіе извѣстнаго правонарушенія, печалованіе не было непризваннымъ вмѣшательствомъ въ область чужого права. Не отнимая юридическаго права у власти, служитель алтаря настойчиво напоминалъ лишь о христіанской обязанности прощенія и милосердія. И это считалось не только правомъ, но и долгомъ представителей церкви. „Общественное сознаніе, говоритъ Малининъ, поражалось не столько случаями печалованія, сколько ихъ отсутствіемъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ печалованіе духовенства было облечено въ юридическую форму. Напр., по закону Юстиніана епископы должны были хотя разъ въ недѣлю посѣщать заключенныхъ въ тюрьмѣ и разузнавать отъ нихъ о причинахъ заключенія. Но вообще печалованіе, какъ ходатайство о милосердіи, не было и по существу своему не могло быть регламентировано закономъ. Оно являлось свободнымъ дѣломъ пастырей церкви. Такъ какъ на практикѣ долгъ защиты угнетенныхъ былъ связанъ съ величайшими затрудненіями и приводилъ часто къ столкновенію съ людьми сильными, то для него требовалось часто великое мужество со стороны печаловниковъ. Въ роли ихъ являлись большею частью пастыри, преимущественно епископы, не привязанные къ мірскимъ благамъ и почестямъ, выше всего ставившіе исполненіе своего пастырскаго долга, готовые ради него пожертвовать не только своимъ положеніемъ, но и жизнью. Для такихъ пастырей были не страшны никакія жизненныя испытанія. Василій В. говорилъ о себѣ: „шнako не умѣю я любить, какъ и душу мою еще предавать, еслибы кого изъ друзей бѣдствующаго спасти нужда востребовала“. Извѣстны слова Іоанна Златоуста епископу Киріаку: „не падай духомъ и не отчаявайся. Вотъ я, когда меня изгоняли изъ города, не заботился ни о чемъ этомъ и говорилъ самому себѣ: если императрица захочетъ отправить меня въ ссылку, пусть ссылаетъ: Господня земля и исполненіе ея. Если она захочетъ перепилить меня пиллою, пусть перепилитъ: у меня есть образецъ Исаія“ и т. д. Златоуста не устрашили угрозы ни Евтропія, ни самой императрицы Евдокіи. Антіохійскій епископъ Флавіанъ печало-

вался за возмутившихся гражданъ города Аятіохин. По случаю наступившей войны начальники увеличили размѣры податей. Возмутившійся народъ низвергъ статуи царя и его супруги и произносилъ оскорбительныя для величества выраженія. Приказано было строго наказать городъ, отнять у него всѣ преимущества, даже разрушить до основанія. Между тѣмъ, по словамъ Св. Златоуста, возмущеніе было „первымъ и единственнымъ преступленіемъ этого города противъ державныхъ; все прошедшее время свидѣтельствовало о добрыхъ нравахъ этого города“. Да и настоящее возмущеніе было произведено по вліянію „постороннихъ людей, которые безъ нужды и безъ дѣла пришли въ городъ на его гибель“. Престарѣлый Флавіанъ, „какъ юноша полетѣлъ“ къ Феодосію и умолялъ его о прощеніи, напоминая евангельскую заповѣдь объ отпущеніи прегрѣшеній. Феодосій прощаетъ народъ и проситъ епископа послѣдствовать къ своей паствѣ, чтобы привести радостную вѣсть о помилованіи къ празднику Пасхи. Подобнымъ образомъ печаловались св. Василиій В., св. Амвросій и мн. др. Печалованіе духовенства продолжалось въ греческой церкви и послѣ принятія христіанства русскими. Императоръ Михаилъ Палеологъ говорилъ народу: „припомните хорошенько кому изъ васъ при прежнемъ паствѣ случалось пользоваться нашими благодѣяніями, если не брать въ расчетъ случаевъ исключительныхъ. Я собралъ васъ и говорю это не затѣмъ, чтобы обвинять свое величество,—виновать въ этомъ не я, а бывший патріархъ: онъ по ненависти не обращался къ намъ за ходатайствомъ“.

Печалованіе было правовымъ обычаемъ и въ Россіи. Печалуясь за отдѣльныхъ лицъ, за города и за всю землю русскую, пастыри церкви исходили изъ сознанія долга, которое говорило имъ, что по ихъ винѣ и небрежности не должна погибнуть ни одна христіанская душа, что ихъ обязанность предотвращать все несогласное съ христіанскимъ закономъ. Извѣстный Сильвестръ въ посланіи къ князю Шуйскому писалъ пастырямъ: „имъ достоинъ печаловати и молити и всячески увѣщати земныхъ властей о побѣдныхъ и о повинныхъ и о обидящихъ. Аще не послушаютъ, ино обличити и запретити, якоже Златоустый Иванъ пострада за вдовицу“. Митрополитъ Филиппъ, призывая епископовъ къ исполненію того же пастырскаго долга, говорилъ имъ: на се

ли совокупитесь, отцы и братія, еже молчати? Что устрашаете еже правду глаголати? Ваше убо молчаніе цареву душу влагаетъ въ грѣхъ, а своей души на горшую погибель, а православной вѣрѣ на скорбь и на смущеніе“. Готовясь пострадать за печалованіе, св. Филиппъ говорилъ: „а вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! Пасите вѣрно стадо Христово, готовьтесь дать отчетъ и страшитесь Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго“. Епископовъ, которые отказавшись отъ прежняго своего намѣренія просить царя объ отмѣнѣ опричинны, говорили: „добро было во всемъ царя слушати и на всяко дѣло безъ разсужденія благословляти“, житіе называетъ „угодниками царевыми“. Берсень говорилъ Максиму греку: „азъ того не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ?“ На слова Максима „какъ митрополита нѣтъ? Митрополитъ на Москвѣ Данилъ“, онъ отвѣчалъ: „не вѣдаю деи митрополитъ, не вѣдаю простой чернецъ: учительна слова отъ него нѣтъ ни котораго, а не печалуется ни о комъ; а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ монатяхъ и печаловалися государю о всѣхъ людей“. За митр. Даниломъ утвердилось прозваніе „потаковника“. Изъ этихъ фактовъ ясно видно, что лучшіе іерархи и само общество считали печалованіе долгомъ представителей церкви. Всѣмъ извѣстны факты печалованія архіеп. Новгород. Іоны, митрополита Варлаама, митр. Іоасафа. Св. Филиппа и др. ¹⁾.

Упрекъ святской печати петербургскому духовенству. Мы обязаны упомянуть здѣсь о фактѣ, въ которомъ съ особенною наглядностью сказались печальные плоды замкнутости нашего духовенства въ узкую сферу чисто церковныхъ инте-

¹⁾ Въ „Словѣ“ (за 17 янв.) напечатано слѣдующее сообщеніе. „Изъ Рима телеграфируютъ въ „Petit Bleu“. Въ очень трогательномъ, почти отеческомъ, письмѣ къ Государю Императору папа проситъ позволенія разрѣшить ему обратиться къ Нему съ совѣтомъ въ минуту, столь важную для дальнѣйшей судьбы Россіи. Пій X напоминаетъ о словахъ мира и любви, раздавшихся по случаю созыва гаагской конференціи, и умоляетъ прислушаться, насколько это возможно, къ крику, вырвавшемуся изъ глубины народнаго сердца. *Только актъ любви*, говоритъ папа. *можетъ спасти русскій народъ*“. Газета прибавляетъ, что два папскихъ гвардейца спѣшно отправились съ этимъ письмомъ въ Петербургъ“. Письмо папы, если оно дѣйствительно было, есть актъ печалованія папскаго.

ресовъ и порою вынужденнаго безучастнаго отношенія его къ общественной жизни. Разумѣемъ печальное событіе 9 января. Свѣтская печать послала горячій упрекъ духовенству за то, что оно не приняло пастырскихъ мѣръ къ предотвращенію разразившагося надъ Петербургомъ бѣдствія. „Пет. Вѣд.“ (17 Янв.) обращаются съ вопросомъ:

Гдѣ были учителя наши въ непогоду, приведшую къ катастрофѣ 9 января?.. Отчего на порогѣ разгоравшейся, позорящей Россію смуты не раздалась архипастырская отповѣдь, народныя массы не разступились передъ властнымъ, разъясняющимъ истину словомъ владыки, духовно повелѣвающаго охваченнымъ страстью волнамъ? Быть можетъ, тогда не было бы и сотой доли жертвъ, въ сердцахъ нашихъ не царилла мука,—та святая Русь, про которую насъ учатъ съ дѣтства, но которую познавать приходится—увы!—на страницахъ историческихъ книгъ и стирающихся въ памяти преданій, во очію встала бы опять передъ лицомъ всего осуждающаго насъ теперь міра въ лучахъ прежняго просвѣтлѣнія, старой русской правды, нетлѣннаго величія, которымъ воспитаны и проникнуты были наши дѣды и отцы.

Отчасти въ отвѣтъ на этотъ упрекъ секретарь митрополита петербургскаго и ладожскаго П. Тихомировъ помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ письмо (19 Янв.), въ которомъ между прочимъ пишетъ:

„Сонмъ духовныхъ“ въ несчастный день 9 января былъ при отпраздненіи своихъ обязанностей. Вездѣ были совершены богослуженія, даже въ рабочихъ центрахъ. Въ сферу политическихъ и соціальныхъ движеній духовную власть никто не считаетъ нужнымъ посвящать. Поэтому пастырскаго слова владыки къ рабочимъ не могло и быть. Во всякомъ общественномъ движеніи надо быть вполне освѣдомленнымъ, чтобы во время явиться, гдѣ нужно, и сказать то, что слѣдуетъ.

Да, правы обѣ стороны. Общество въ правѣ желать воздѣйствія духовенства при подобныхъ печальныхъ фактахъ и скорбѣть, если оно отсутствуетъ. И духовенство въ правѣ желать, чтобы это воздѣйствіе было признано его правомъ и долгомъ не только со стороны общества, но и со стороны власти. Недостаточно собственнаго желанія духовенства: нужно, чтобы ему шли навстрѣчу тѣ, въ рукахъ которыхъ жизнь и смерть. Во всякомъ случаѣ обѣ стороны согласны

въ томъ, что это явленіе скорбное и ненормальное. Если такъ, то не лучше ли, оставивъ осужденія, выскнуть въ причины этой ненормальности и употребить общія усилія на устраненіе ихъ? Само духовенство чувствуетъ и признаетъ искусственность своего положенія по отношенію къ паствѣ и конечно тяготится имъ. Общество должно помочь ему выдти изъ этого положенія ¹⁾.

Слова двухъ пастырей о событіи 9 янв. Несчастье 9 января наполнило великою скорбью сердца нашихъ пастырей, чуткихъ къ правдѣ и отзывчивыхъ къ горю людскому. Преосв. Сергіи писалъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“:

О, если бы не было этого дня въ нашей исторіи!.. Толпы рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человекъ (забастовало, говорятъ, до 140,000), съ женами и дѣтьми, съ крестнымъ ходомъ пошли ко дворцу, къ Государю, какъ они говорили, а войска встрѣтили ихъ ружейными залпами. На улицахъ столицы началась братоубійственная распря и полилась кровь виновныхъ и невинныхъ. Убито (по правительственному сообщенію отъ 11 числа) 96 человекъ, ранено 333, не считая, конечно, многихъ другихъ, не вошедшихъ въ регистрацію. Но расскажем, есть убитыя дѣти, есть женщины, есть простые зрители, совершенно случайно попавшіе подъ зарядъ... Плачеть теперь наша столица, какъ древняя Рахиль „о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ“.

И не на комъ искать ихъ пролитой крови!.. Винавать ли доверчивый народъ, въ жизни котораго всегда есть много неустройства, лишений и обидъ, и которому всегда есть съ чѣмъ пойти и просить себѣ милости и защиты, виновать ли онъ, что и на этотъ разъ собрался и пошелъ просить о своихъ нуждахъ?

Но вѣдь ему говорили: „пойдемъ къ Царю, какъ дѣти къ

¹⁾ Изъ Баку 8 февр. была получена телеграмма: „съ воскресенья во всѣхъ частяхъ города происходятъ нападенія вооруженныхъ мусульманъ на армянское населеніе, достигшія въ понедѣльникъ угрожающихъ размѣровъ. Говорятъ, что есть уже сотни раненыхъ, много убитыхъ. Мирное населеніе объято страхомъ. Всякая дѣятельность приостановлена. Сегодня банки закрыты. Поводъ къ этому повидимому месть“. Телеграмма 9 февр. гласитъ: „подъ влияніемъ мусульманскаго и армянскаго духовенства вражда улеглась, стрѣльба прекратилась, городъ принимаетъ обычный характеръ“. Мусульмане умиряются словомъ, христіане силою.

отцу, расскажем ему наши нужды, поищемъ помощи и правды“. А какое русское сердце не откликнется на этотъ призывъ? У кого изъ русскихъ не захватитъ духъ отъ этой умилительной картины? Неповиненъ народъ, что его самозванные заправила этой просьбой его прикрывали свои вождѣленія.

Съ другой стороны, виноваты ли и защитники порядка, что имъ отборнымъ царскимъ полкамъ, украшеннымъ побѣдными лаврами прошедшихъ компаній, выпала печальная доля стрѣлять въ безоруженную толпу, и обогащать родную землю братскою кровію неповинныхъ людей? Иного исхода они уже не видѣли и, можетъ-быть, такой ужасной цѣной предотвратили вѣчто большее и худшее.

Никому не нужна была эта кровь, только враги царя и Россіи могли радоваться ея пролитію, а она всетаки пролилась! Совершилось нѣчто ни съ чѣмъ несообразное, всѣмъ прискорбное и отвратительное, нѣчто ужасное по самой своей роковой неизбѣжности: просто кара Божія обрушилась на насъ, чтобы къ бѣдствіямъ и неудачамъ виѣшней войны прибавить и это кровавое пятно...

Господи, спаси Царя, спаси Россію; не прогнѣвайся на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ!

Истинно пастырскимъ духомъ и евангельскою любовью проникнуты слова и другого пастыря, преосв. Антонина, служація какъ бы надгробнымъ словомъ людямъ, погибшимъ 9 января („Слово“ за 21 янв.):

Прощенный день. 19-го января, да дасть свой отблескъ и душамъ тѣхъ, кто 9-го января видѣлъ солнце послѣдній разъ и можетъ-быть тоскливо жаждетъ примиренья съ нами. Въ дни пережитаго смятенія роковой ударъ смерти похищаль изъ среды насъ не только тѣхъ, кто жакдалъ крови; но и такихъ, кто сердцемъ былъ далекъ отъ всякой смуты. Принявшіе въ оный злосчастнѣйшій день смерть на улицахъ нашего города нашли общее мѣсто упокоенія, но не всѣ гробы ихъ могутъ быть накрыты покровомъ осужденія. Могильные холмы сдавили не одни сердца, стремившіяся къ цѣли путями не позволенными, но подъ ними легли и запальчивая недостаточность разума и люди полной чистоты, захваченные вихремъ возбужденія. Между убитыми не всѣ отвѣтственны. Меньше преступныхъ, больше несчастныхъ. Души послѣд-

нихъ взяты отъ насъ по невѣдомому для насъ смотрѣнію Бога, чтобы мы, видя невинную кровь, смутились предъ огнемъ оружіемъ ангела смерти. Мы не чуждаемся ихъ чувствомъ своимъ, но обнимаемъ молитвенною любовью. Они убиты, но не опозорены, дабы мы не отвращали сердце своихъ отъ нихъ, но могли сотворить молитвенную память о нихъ, оплакивая ихъ бѣдственный жребій. Богъ отмщеній взвѣситъ дѣло каждаго изъ нихъ и воздастъ имъ независимо отъ нашихъ мнѣній и приговоровъ. Въ крови невинныхъ да растворится и омоется отверженіе виновныхъ. Въ сознаніи безвинности многихъ умершихъ, съ миромъ въ душѣ, а не съ опаскою и осторожностью приникнемъ къ ихъ плачевнымъ могиламъ; молитва пусть уладитъ отшествіе однихъ, и скорбь и воздыханіе живыхъ.

Истинно вѣрующему тяжело было бы жить въ настоящее время, если бы не слышалось подобныхъ рѣчей. Плачетъ Рахиль о мертвыхъ, но радуется о живыхъ, такъ какъ слышитъ евангельскую пѣснь мира и благоволенія.

В. Мышцынъ.

1905 г. 13 Февраля.
